

УДК 94 (470.6) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.5>С. С. Лазарян
О. Б. Маслова**КАВКАЗСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ КАК ПОТАЁННОЕ ПРОСТРАНСТВО
В РЕАЛИЯХ РОССИИ XIX ВЕКА**

Кавказ для Российской империи в XIX в. оставался местом особенным, местом её многотрудных военных и цивилизационных усилий, имевших целью утвердить там универсальные порядки регулярной государственности. Перемен добивались медленно. По разным причинам России противостояли труднопреодолимые твердыни: местная природа и этнические сообщества, которые неохотно вступали в диалог с инокультурными агентами, оставаясь местом потаённым, малоприветливым и весьма опасным.

Кавказские ландшафты, казалось, были созданы специально, чтобы затруднять существование незнакомым с ними новопоселенцам, пугать неприступностью гор, прятавших свои вершины в косматые облака; по несколько раз в день изменять погодные условия, проливные дожди чередуя с нестерпимой жарой. Горные реки пугали своей быстротечностью, с шумом и грохотом, ниспадая в ущелья, подмывали берега и выкорчевывали многолетние деревья. Горы Дагестана были для русского человека беспорядочным нагромождением застывшего в каменном изваянии inferнального мира.

Кавказ как место, требовавшее от русского человека большого напряжения физических сил и нравственной работы, по своим природным и социальным параметрам, долгое время оставался пространством пограничности и переходных состояний. Соппротивление и противодействие, с которыми встречались имперские власти и колонисты, со стороны большей части мест-

ных жителей и местной природы, порождали в головах, отчаянных или беспутных, надежду найти там укрытие, потаённое пространство, недоступное для посторонних глаз и властей.

По свидетельствам современников, Кавказ аккумулировал всякого рода людей, имевших преступные наклонности, пройдох и злоумышленников, вместе с теми, кто не знал выхода из сложных жизненных обстоятельств и искал в горной стране возможностей получить убежище или надежду на нравственное и гражданское возрождение. На Кавказ бежали крестьяне от притеснений своих помещиков, мужья от постылых жён, неудачливые любовники, промотавшиеся чиновники, романтически настроенные юноши, искавшие славы и подвигов и заклятые враги Российского государства – поляки, участники польской инсurreкции, а также все, кто искал воли, освобождения от всяких установлений и правил. Имперские власти знали это и подозревали Кавказ в неблагонадежности.

Ключевые слова: Кавказ, российские власти, пограничность, диалог, потаённое пространство, циркуляция, поиск беглецов.

Для цитирования: Лазарян С. С., Маслова О. Б. Кавказское пограничье как потаённое пространство в реалиях России XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 404–410. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.5

Sergey S. Lazaryan
Olga B. Maslova**CAUCASIAN BORDER AS A HIDDEN SPACE IN THE REALITIES OF RUSSIA
OF THE XIX CENTURY**

The Caucasus for the Russian Empire in the 19th century remained a special place, a place of its laborious military and civilizational efforts aimed at establishing universal orders of regular statehood there. Change was brought about slowly. For various reasons, Russia was opposed by formidable strongholds: local nature and ethnic communities, which were reluctant to enter into a dialogue with agents of other cultures, remaining a secret, unfriendly and very dangerous place.

The Caucasian landscapes seemed to have been specially created to make it difficult for new settlers who were unfamiliar with them, to frighten them with the inaccessibility of the mountains, hiding their peaks in shaggy clouds; change weather conditions several times a day, alternating heavy rains with unbearable heat. Mountain rivers frightened with their transience, with noise and roar, falling into gorges, washing away the banks and uprooting

perennial trees. The mountains of Dagestan were for a Russian person a disorderly heap of the infernal world frozen in a stone statue.

The Caucasus, as a place that required a great effort of physical strength and moral work from a Russian person, in terms of its natural and social parameters, for a long time remained a space of borderlines and transitional states. The resistance and opposition that the imperial authorities and the colonists met, from a large part of the local inhabitants and local nature, gave rise in the heads, desperate or dissolute, to the hope of finding shelter there, a hidden space inaccessible to prying eyes and authorities.

According to contemporaries, the Caucasus accumulated all kinds of people who had criminal inclinations, swindlers and malefactors, along with those who did not know a way out of difficult life circumstances and were looking for opportunities in a mountainous country to obtain asylum or hope for moral and civil revival. Peasants fled to the Caucasus from the

oppression of their landlords, husbands from shameful wives, unfortunate lovers, squandered officials, romantic youths who sought fame and exploits and sworn enemies of the Russian state - Poles, participants in the Polish insurrection, as well as everyone who sought freedom, liberation from any rules and regulations. The imperial authorities knew this and suspected the Caucasus of unreliability.

Кавказ в XIX в. был одним из пространственных и цивилизационных пограничий Российской империи, местом весьма продолжительного сосуществования многочисленных социокультурных вариантов. Там происходило смешение и причудливое сочетание различных культурных моделей и культурных кодов, реализовывавшихся в пространствах местных и пришлых социумов. Там одновременно находили воплощение разнообразные традиции Востока и Европы, различные этнические и языковые потоки, которые сталкиваясь, растекались по всему кавказскому краю.

В то же время многоликость их одновременного присутствия порождала возможность беспрепятственного диалога культур, отводивших на второй план этноконфессиональную идентичность. Этот диалог давал возможность каждому быть тем, кем ему хотелось, что находило отражение в повседневном поведении, одежде и манерах большого числа жителей Кавказа. Прежняя сущность укрывалась в новом быте, в котором не обязательно было предъявлять свою прежнюю этноментальность. Существующее многогочечие, как и ландшафтное разнообразие позволяли находить потаенные места для всех, кто искал малоприметного убежища, желая спрятаться от посторонних глаз.

Физико-географические особенности Кавказа и общественный уклад местных жителей мало способствовали его открытости. К примеру, почти повсеместно, пути, ведущие в горные ущелья, часто были лишь узкими тропами, которые в некоторых местах так сужались, что там едва умещалась лошадь, а любой неверный шаг грозил падением в бездонную пропасть. Здесь дороги не связывали, а вели в укрытие, в тайну. «Тропинки, взвиваясь на крутые гребни или пролегая карнизом вдоль отвесных скал, едва имели ширину, потребную для людской ноги...» [9, с. 68]. А в чеченских горах у селения Дарго «дорога через лес ... тянулась без малого на семь вёрст и ... была поистине адская, она то спускалась с горы вниз и, приподымаясь потом, часто скривляясь и сгибаясь, имела топкие места, то шла уступами в аршин и более вышины по камням. На большом протяжении дорога эта была окаймлена с одного бока нешироким, но весьма глубоким оврагом, до дна которого брошенный туда камень долетал спустя лишь некоторое время, а с другой – отвесною почти стеною гор, покрытых густыми, вековыми чинарами, которые покрывали всю также местность за оврагом, имевшим по большей части только несколько сажень ширины» [1, с. 520–521].

Key words: Caucasus, Russian authorities, frontier, dialogue, hidden space, circulars, search for fugitives.

For citation: Lazaryan S. S., Maslova O. B. Caucasian border as a hidden space in the realities of Russia of the XIX century // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 404–410. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.5

Небо часто было в облаках, которые «...разорванными клочьями носятся над головой, то охватывают лес и лижут горы, высаящиеся над путешественником, то, расступаясь, открывают их. Мало-помалу обращаясь в черную массу, они скрывают самые близкие предметы...» [5, с. 32]. Тут же «внезапно проглотит гигантский хребет угрюмого, почти страшного вида, поднятый гораздо выше облаков и туч, уходящий далеко в область вечного снега, угрожающий обвалами и лавинами, гремящий своими превращёнными в пену потоками» [7, с. 32].

Горы сами по себе для выходцев с равнин «были вызовом жизненной тривиальности... приобретали смысл, далеко выходящий за пределы топографии» [3, с. 28]. Нагромождение скал (в Дагестане – С. Л.), в виде чудовищных трещин и пропастей были перемешаны и разбиты в беспорядке, «точно чудовищные волны океана как бы внезапно застыли и окаменели в бурю» [3, с. 28].

Непостоянство и изменчивость погоды в течение одного дня, когда разнообразные движения воздушных масс, сменяясь и сталкиваясь друг с другом, вызвали бурю, ливень, град, провоцировали каменные обвалы и селёвые потоки. Они сметали всё на своём пути и превращали реки в неукротимые и ревущие чудовища, подмывавшие берега, вырывавшие с корнем вековые деревья и катившие с грохотом многотонные каменные глыбы.

На равнине «трудности» для передвижения представляли болота. Особенно это было характерно для западных районов Северного Кавказа, где среди многих вызовов серьёзную угрозу представляла малярия, приводившая к высокой смертности среди новопоселенцев, рискнувших попробовать сделать Кавказ своим местом пребывания [8, с. 178 – 179].

Трудность постижимости как физико-географической, так и духовной сущности Кавказа для понимания стороннего человека, требовали от него большого напряжения сил, собранности и внимания, даже борения со всем прежним жизненным опытом. Кавказ представлялся местом малодоступности и сокрытия всего и вся, местом исчезновения любого прежнего существования, погружавшегося в инаковость кавказской реальности.

«Кавказ с его гордым, вольным, буйным населением, с его природой, принципиально отличной от классической среднерусской, и был той иной сферой, иным миром...» [3, с. 44], который давал возможность и способы обретения не только потаённых мест, но и иного способа существования

для всякого, кто в том вольно или невольно нуждался. Из-за этого, как отмечал Л. Н. Толстой, современник и участник кавказской жизни, «странное существует в России мнение о действии, производимом жизнью на Кавказе на состояние, характер, нравственность, страсти и счастье людей. Промотавшийся юноша, несчастный игрок, отчаянный любовник, неудавшийся умник, изобличавшийся трус или мошенник, оскорблённый честолюбец, горький бездомник, бобыль: все едут на Кавказ» [3, с. 45]. Великому русскому литератору вторил его современник и непосредственный участник событий кавказской жизни генерал Г. И. Филиппсон: «Кавказ в то время был убежищем и сборным пунктом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи или неловкого положения» [11, с. 515].

С приходом России существовавшее ранее в кавказском регионе этносоциальное и социально-культурное многообразие пополнилось новыми моделями жизнесуществования и целеполагания, пришедшими туда вместе с многочисленными контингентами военных чинов и гражданских чиновников с их семьями, казаками с их станицами, многочисленными аграриями и переселенцами-колонистами разноликого этнического и конфессионального происхождения и прочим всяким гулящим людом, так называемым «перека-ти-поле». Кавказ как территория, переживающая процессы социокультурного реформирования и переходности, притягивал к себе также большое разнообразие социальных элементов, желавших по разным причинам раствориться в пучине социальной неупорядоченности и общественно-бытовой неоформленности, где они чувствовали себя в наибольшей безопасности и могли укрыться от пристрастных глаз различных властей.

Не случайно и то, что повседневная жизнь той части Кавказа, которую обустроивали имперские власти, и той части, на которую они не могли оказывать сколько-нибудь заметного влияния, были полны примерами присутствия там беглецов, как отдельных людей, так и целых групп, из всех частей Российской империи, стремившихся не только спрятаться в отдалённом месте от карающей руки государства, но и обрести свободу и счастье в новых обстоятельствах окружающего социокультурного и ландшафтного разнообразия. Некоторые стремились на Кавказ, чтобы начать там новую жизнь с чистого листа, оставив все прежние страницы своей биографии в прошлом.

В каждодневном переполохе и многочисленных передвижениях больших масс людей, переустройстве ландшафтов аграрными и урбанистическими работами или действиями армейских частей можно было легко затеряться в массе людского броуновского движения, погрузившись в поток с многочисленными случайными связями, свободными от какой-либо строгой обусловленности и определенности.

Имперские власти знали это, а потому всякий раз начинали поиски людей беспутных и способных на своеволие, а также тех, кто мало уважал закон и находился в застарелом злоумышлении, на территории кавказской окраины, которая продолжала оставаться привлекательным пристанищем для всех, кто вступал в конфликт с имперскими властями на протяжении многих десятилетий.

Кавказская среда способна была поглотить кого угодно и спрятать в горные ущелья или города, где при всех стараниях местных властей непроходимых сетей установить не удавалось. Местный дух свободы и местные традиции всегда предоставляли шанс оставаться вне глаз полиции и давали добровольных помощников. В Петербурге всегда это помнили и питали определенное недоверие к Кавказу, по крайней мере, всегда были настороже и подозревали Кавказ в скрываемой неояльности, поскольку, будучи местом беспокойным и недостаточно обустроенным, он, как магнит, притягивал к себе людей, не умевших или не желавших искать согласия с существовавшими в Российской империи властями и порядками. По этой причине почти любое общественно значимое происшествие связывали с возможностью бегства его участников на Кавказ, а потому всякий раз в кавказские губернии делались запросы и направлялись министерские циркуляры о поиске там разыскиваемых злоумышленников.

Так, 20 сентября 1849 г. в Ставропольское губернское правление, а также властям всех пограничных губерний поступило секретное предписание из Министерства внутренних дел о розыске титулярного советника князя Марцелия Любомирского, без вести пропавшего из Петербурга. Любомирский Марцелий Осипович (Юзефович), князь (1810–1866 гг.) – польский магнат Волынской губернии, принадлежал к аристократическим кругам, был вхож в аристократические дома имперской столицы, а также частым посетителем аристократических салонов Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон, – привлек внимание полицейских властей активным участием в шумных пирушках с братьями Браницкими, на которые собиралась польская молодежь Петербурга. В мае 1849 г. по приказанию императора Николая I была учреждена специальная комиссия для расследования жалоб на злоупотребления по денежным ссудам и расчетам полковника Никитина и коллежского советника Посникова, в которых активным участником был князь М. Любомирский. Страшась ареста, он бежал в неизвестном направлении. На все именование князя Марцелия Любомирского, которое ему досталось от отца, был наложен арест. Квартиру его также опечатали [4]. Полковника Никитина и Посникова, по указанию императора, предали военному суду.

Император потребовал, чтобы в отношении беглого князя Марцелия Любомирского были приняты все меры, которые предписывались «для

изменников поляков» [2, д. 944. л. 1]. Соответственно ставропольским полицейским властям предписывались меры по проведению розыска на подконтрольных им территориях со стороны командующего на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта Н. С. Завадовского.

В Ставропольское губернское правление поступил рапорт от Кизлярского земского исправника, который сообщал, что в результате тщательного секретного поиска, проведенного участковыми заседателями, князя М. Любомирского нигде на жительство или временном пребывании в Кизлярском уезде не оказалось [2, д. 944. л. 9.]. Такие же тщательные поиски беглого князя М. Любомирского были проведены в городах Пятигорске, Георгиевске, Моздоке и в уездах до конца декабря 1849 г. Результат везде был отрицательным – беглого князя М. Любомирского там не нашли, но Петербург настаивал, и поиски продолжались.

В феврале 1851 г. в канцелярию Управляющего гражданской частью Ставропольской губернии поступили рапорты из губерний Закавказского края: следов пребывания князя М. Любомирского там также не обнаружили. По получении отрицательных сведений из станиц Кавказского линейного казачьего войска, дело, после донесения по инстанциям, было закрыто и сдано в архив [2, д. 944. л. 23].

На Кавказе укрывались люди, уставшие от семейных уз или решившие кардинально изменить свой образ жизни. В декабре 1848 г. Подольская духовная консистория обращалась в Кавказское областное правление с просьбой о помощи по бракоразводному делу, связанному безвестной 7-летней пропажей мужа штабс-капитанши Сигизмунд, проживавшей в Уминском уезде в селе Малая Терновка. Консистория просила узнать не находится ли её муж, штабс-капитан Николай Сигизмунд, из дворян, принадлежавших Царству Польскому, где-либо на жительство на Кавказе, поскольку из его формулярного списка за 1835 г. было известно, что он принимал участие в Турецкой кампании 1828–1829 гг., за что был награжден медалью на Георгиевской ленте. За военные заслуги он также был награжден знаком отличия 4-й степени. В 1835 г. он был уволен со службы с правом ношения мундира из Литовского егерского полка по домашним обстоятельствам [2, д. 1120. л. 2 об].

Областное правление приказало начать поиски штабс-капитана Николая Сигизмунда и произвести опубликование по Ставропольской губернии, а также о последствиях поисков донести в Подольскую духовную консисторию. Из всех территорий пришли сообщения о том, что следов пропавшего без вести штабс-капитана обнаружено не было [2, д. 1120. л. 4–12 об].

Не всем везло, и властям удавалось кого-то ловить. Так в октябре 1850 г. полковое правление Моздокского казачьего полка препроводило

к моздокскому коменданту полковнику Бельфорту под строгим караулом пойманных на правом берегу реки Терек в лесу двух мужиков, уроженцев Полтавской губернии, беглых крестьян графа Эльберта. Ими оказались Петр и Алексей Сосновские, которые пытались укрыться от жестокого притеснения со стороны графа. В 1846 г. они бежали и проживали по разным местам. Наконец пробрались в Черноморье, где прожили в течение полутора лет на рыбных заводах. Осенью 1847 г. они отправились в Тифлис, по пути к которому останавливались в различных селениях по неделе и более. В течение 1848–1849 гг. находились в Тифлисе или около него по разным деревням. Затем отправились в Шемаху, но у них потребовали паспорта, что вынудило их к новому переселению. Поблизости от станицы Галюгаевской в лесу их захватили казаки во главе с урядником.

Братьев Сосновских, Перта 24-х лет и Алексея 28-ми лет от роду, отослали в Ставрополь для освидетельствования. Петр был зачислен в рекруты и отправлен на воинскую службу, а Алексей, в виду непригодности к строевой службе, был зачислен в Ставропольскую арестантскую роту гражданского ведомства сроком на 10 лет [2, д. 2293. л. 1–15].

В марте 1868 г. на Кавказе активно разыскивали по предписанию Министерства внутренних дел, которое пописал товарищ министра князь А. Б. Лобанов-Ростовский, сбежавшего из-под надзора ксёндза Валериана Ружицкого, бывшего настоятеля Малого Ключкова Варшавской губернии, который после пересылки его из Костромской губернии в Архангельскую губернию, по прибытии в Вологду безвестно исчез.

В связи с данным происшествием по всем пограничным территориям были разосланы циркуляры, сопровождавшиеся описанием примет беглеца. Всем соответствующим начальникам предписывалось немедленно начать поиски ксёндза Ружицкого в пределах вверенных им территорий. В случае его обнаружения предписывалось арестовать его и незамедлительно информировать о том Министерство. Ксёндза Ружицкого на Кавказе не нашли [2, д. 6544. л. 1–19].

В апреле 1870 г. в Ставропольское губернское правление из Министерства внутренних дел поступал секретный циркуляр о розыске состоявших под надзором полиции Якова Парновского, Лаврентия Урбановского, Александра и Моники Вайс, Ивана (Яна) и Вероники Ромбальских и политического ссыльного Ивана (Иоганна) Лицендорф [2, д. 7106. л. 1].

Состоявшие под надзором полиции в Плоцкой губернии жители Рылинского уезда, гмины Скравильно, крестьяне Яков Тарновский и Лаврентий Урбановский, а также жители Петроковской губернии, гмины Николаев, Бжезиньского уезда, Александр и Моника Вайсы и Иван (Ян), и Вероника

Ромбальские и находившийся в городе Тюмени политический ссыльный Лицендорф, известно скрылись от надзора полицейских властей.

Министерство внутренних дел предписывало ставропольским властям тщательно провести розыск беглецов на своей территории и о результатах доложить в министерство. Если указанные лица будут найдены и задержаны, то их следовало препроводить: Парновского и Урбановского в г. Плоцк; Вайсов и Ромбальских – в г. Петроков; Лицендорфа – в Тобольск. Данное распоряжение подписал товарищ Министра внутренних дел князь А.Б. Лобанов-Ростовский. Циркулярное предписание сопровождалось описанием примет разыскиваемых [2, д. 7106. л. 1 об].

По рапортам, поступившим из городских и уездных полицейских управлений Ставропольской губернии, поименованных лиц на территории губернии найдено не было [2, д. 7106. л. 3–10].

Достаточно часто полицейским приходилось исполнять циркулярные предписания Министерства внутренних дел (МВД) по поиску лиц, бежавших из-под надзора или из-под стражи из весьма отдаленных мест империи. Искали беглых солдат, крестьян, бежавших от своих помещиков, скрывающихся проштрафившихся чиновников, не являвшихся в полки длительное время офицеров. В течение только двух месяцев 1833 г. (февраль-март) в Ставрополе было получено из МВД 85 предписаний о поиске и задержании беглецов. В 1836 г. Ставропольской полицией было задержано 89 человек, в числе которых было 11 женщин [10, с. 22]. В обязанности городской полиции входило не допускать в город подозрительных лиц, установить надзор за неблагонадежными, тщательно осуществлять паспортный режим, контролировать проездные документы.

Бывшие в кавказском регионе военные действия, захватившие большую часть XIX века, сильно способствовали превращению этого региона в потаённое пространство. На войне можно было спрятать всё и вся. Сама война была лучшим сокрытием любых следов и биографий. Наиболее отчаявшиеся или совершенно беспутные люди часто в качестве укрытия выбирали бегство к немирным горцам, воевавшим против России.

Достаточно распространенной категорией беглецов были так называемые «перекати-поле». Этих людей не привлекали ни боевая жизнь, ни грабежи, ни разбои. Это были люди вполне мирных наклонностей, которые были охочи к перемене мест в поисках лучшей доли. Они поселялись среди горцев и вели жизнь свободных земледельцев, выращивали кукурузу и заготавливали сено. Туда бежало немалое число солдат-рекрутов и казаков, совершивших какой-либо проступок или преступление. Среди таких людей было немало «сорвиголов», привыкших своевольничать, которые искали тревожной жизни среди горцев, а также «забвенные от неудач и горькой доли на родине» [12, с. 812].

Дезертирству среди казаков сильно способствовало то, что российское государство требовало переменить сложившийся и привычный для них образ жизни, настаивая на том, что «линейный казак не хищник, а воин Христов» [3, с. 126]. Навязывание угодной властям социальной роли озлобляло казаков против правительства. Поэтому они открыли для себя способ поддерживать «старину» в своей жизни бегством в потаённые области Кавказа, где традиция имела надежное укрытие и приверженцев.

Кроме того, среди беглецов было немало тех, кто не выдерживал армейского быта. Иногда среди беглецов в горы случались идейные противники России – поляки, сосланные на Кавказ за участие в антироссийских восстаниях в Царстве Польском, которые надеялись в стане противников российского государства продолжать борьбу за освобождение своего отечества [6, с. 103].

Те дезертиры, кто не имел авантюрного характера и вкуса к разбоям, всегда находили в горских селениях заработок. Беглые казаки могли «не только получить у горцев полноправие, но и семью и безбедное существование, стоило только принять ислам» [3, с. 123]. Многие из беглецов так и поступали, косвенным доказательством чего были та степень свободы и доверия к ним, которой они пользовались, например, среди чеченцев.

Перебежчиками становились в первую очередь те люди, которые по своему складу ума и способу существования оставались приверженцами жизни, свободной от каждодневного контроля со стороны государства. Миропонимание этих людей не могло выйти за рамки установок существования, сформировавшегося в условиях пограничья. Потому бегство в горы осуществлялось ими сознательно в поисках «воли», которую они обретали в инокультурном пространстве, и, одновременно, исчезали из поля зрения государства в потаённых ущельях.

Если задаться вопросом, насколько российские власти могли контролировать ход развития межкультурных коммуникаций в пространстве кавказского пограничья, то надо отметить, что такой контроль или влияние могли лишь отчасти задавать их темп и направленность, дав ход этому процессу самим фактом российского присутствия в регионе. По большей части социокультурные процессы пограничных территорий разворачивались по непреднамеренной траектории народной жизни. Попытки утверждения какой-либо преднамеренности со стороны официальных российских властей долгое время гасились интерференцией волн и событий многофакторного процесса, который определялся сущностью и характерными особенностями самих вступающих в контакт социокультурных агентов. Межкультурные взаимодействия, не спрашивая властей о языках, о возмож-

ных способах и формах, часто осуществлялись скрытно от глаз властных усилий в системе тайной локальности и латентности.

Кроме того, пространство пограничья – это всегда пространство противостояния этноментальных и этнокультурных мотиваций и символов, специфики этнокультурной деятельности. В пространстве пограничья сосредоточивается противоборство традиции, исключительности и универсализма. Сталкиваются различные по форме и содержанию порядки мировидения и мироустройства. Следствием такого процесса были разнородные социокультурные сдвиги или сопря-

жения, предоставлявшие возможность тем или иным социальным агентам находить в них лакуны для потаённого существования.

Кавказ как потаённое пространство в системе империи оставался актуальным средством для большого числа людей достаточно долго. Социально-политические и культурные перемены, происходившие в кавказском крае под влиянием России, не могли тотально изменить местных традиций, а потому условия пограничного состояния изживались медленно. В то же время в российском обществе продолжала существовать устойчивая потребность в кавказском потаённом убежище на протяжении всего XIX века.

Источники и литература

1. Воспоминания генерал-майора августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 520–532.
2. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 944; Д. 1120; Д. 2293; Д. 6544; Д. 7106.
3. Гордин А. Я. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2008. 288 с.
4. Дневник Л.В. Дубельта URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84096 (Дата обращения: 18.10.2021 г.).
5. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Кавказ. Т.1. М.: Центрполиграф, 2019. 655 с.
6. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
7. Меч С. Кавказ. М., 1905. 65 с.
8. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1860. 460 с.
9. Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО-XXI», 2017. 448 с.
10. Ушмаева К. А., Состин Д. И. Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи в XVIII – начале XX вв.: по материалам Ставропольской губернии // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. №5. С. 21–25.
11. Филиппсон Г. И. Кавказская война // Стрижамент: Историческое наследие. Литературно-художественный альманах. Приложение к газете «Кавказский край». Ставрополь: Кавказский край, 1991. Выпуск 1. С. 431–525.
12. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горами (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, б/и., 1913. 880 с.

References

1. Vospominaniya general-maiora avgusta-Vilgelma fon Merklina o Darginskoi ekspedicii 1845 g. (Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845) // «Darginskaya tragediya. 1845 god». Seriya: «Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voini XIX veka. Sostavlenie tekстов G.G. Lisicinoi. Kommentarii, ukazateli B.P. Milovidova. St.Petersburg: Zvezda, 2001. P. 520–532. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 68. Inv. 1. D. 944; D. 1120; D. 2293; D. 6544; D. 7106. (In Russian).
3. Gordin A. YA. Zachem Rossii nuzhen bil Kavkaz? Illyuzii i realnost (Why did Russia need the Caucasus? Illusions and reality). St.Petersburg: ZAO «ZHurnal «Zvezda», 2008. 288 p. (In Russian).
4. Dnevnik L. V. Dubelta (Diary of L.V. Dubelt) URL: https://runivers.ru/new_htmlreader/?book=5606&chapter=84096 (Access: 18.10.2021 g.). (In Russian).
5. Dubrovin N. F. Istoriya voini i vladichestva russkikh na Kavkaze. Narodi, naselyayush'ie Kavkaz (History of war and domination of Russians in the Caucasus. The peoples inhabiting the Caucasus). Vol.1. Moscow: Centrpoligraf, 2019. 655 p. (In Russian).
6. Lapin V. V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv. (The Russian army in the Caucasian war of the XVIII-XIX centuries). St.Petersburg: Evropeiskii Dom, 2008. 400 p. (In Russian).
7. Mech S. Kavkaz (Caucasus). Moscow, 1905. 65 p. (In Russian).
8. Romanovskii D. I. Kavkaz i Kavkazskaya voina Publichnie lekci, chitannie v zale Passazha v 1860 godu. (The Caucasus and the Caucasian War. Public lectures, read in the hall of the Passage in 1860). St.Petersburg: Tipografiya tovarish'estva «Obsh'estvennaya polza», 1860. 460 s. (In Russian).
9. Tornau F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera (Memoirs of a Caucasian officer). Moscow: «AIRO-XXI», 2017. 448 p. (In Russian).
10. Ushmaeva K. A., Sostin D. I. Struktura i funkcii provincialnih policeiskikh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii v XVIII - nachale XX vv.: po materialam Stavropolskoi gubernii (The structure and functions of the provincial police institutions of the Russian Empire in the 18th - early 20th centuries: based on the materials of the Stavropol province) // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. YUridicheskiy zhurnal. 2018. No. 5. P. 21–25. (In Russian).
11. Filipson G. I. Kavkazskaya voina (Caucasian war) // Strizhament: Istoricheskoe nasledie. Literaturno-hudozhestvennii almanah. Prilozhenie k gazete «Kavkazskii krai». Stavropol: Kavkazskii krai, 1991. Issue 1. P. 431-525. (In Russian).

12. SH'erbina F. A. Istoriya Kubanskogo kazachego voiska. In 2 vols. Vol. 2: Istoriya voini kazakov s zakubanskimi gorcami (Reprintnoe vosproizvedenie) (History of the Kuban Cossack army: The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban highlanders (Reprint reproduction). Ekaterinburg, b/i., 1913. 880 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Маслова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / maslova69olga@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Lazaryan Sergey S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Chair of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Maslova Olga B. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Associate Professor, Chair of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / maslova69olga@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.